

Вечерний эфир, словно застывший в предвкушении, подходил к концу. Четыре девушки, уставшие от выматывающей игры "Правда или действие", уже мечтали о заслуженном отдыхе. Бай Чэнь, сдержанный и замкнутый, словно скала, невозмутимо отвечал на вопросы, не выказывая ни малейшего волнения. Он был словно молчаливый наблюдатель, впитывающий каждое слово, но остающийся нечитаемым. — Кхм, почему вы так быстро закончили играть? Мне все еще хочется подойти, — прошептал учитель Хэ, выглядывая из соседней комнаты, его слова звучали как застенчивая реплика школьника, пойманного за невинным любопытством. — Учитель Хэ, не говорите о том, чтобы убежать перед битвой, — хмыкнула У Цзянин, ее слова были остры, как лезвие, но в то же время легки, как шёпот ветра. — Точно, — вторила Чжоу Цзецзюн, ее голос был низким и бархатным, словно нежный шепот ночи. Хэ Цзюн, смутившись докрасна, поспешил ретироваться, словно его поймали за шпионажем. — Что? Сегодня все устали. Идите спать пораньше. Спокойной ночи, — пробормотал он, спеша скрыться в тёмных коридорах. Его уход словно дал сигнал к отступлению. Режиссер, получив указания из эфирной студии, завершил прямую трансляцию. — Всем спокойной ночи, до завтра! — прошептали девушки, помахав камерам, как приветствие уходящему солнцу. Сцена застыла на Бай Чэне, словно выхваченная из мгновения вечности. После окончания эфира, словно сбросив груз ответственности, атмосфера в грибном домике стала расслабленной. — Я так устала сегодня от высадки риса, — вздохнула Чжоу Цзецзюн, откинувшись на плечо Чэнь Сяо, словно ищущая утешения уставшая птица. — Сколько ты вставила? Если бы не "метод пересаживания рассады" мастера, сестре Цзе Цзюн, вероятно, пришлось бы отправиться в больницу, — улыбнулась У Цзянин, ее слова были полны юмора, но в них проглядывала тонкая ирония. — ... — ответила Чжоу Цзецзюн, ее лицо выражало лёгкую усталость. — Поздно уже, кто хочет первым умыться? — спросила У Цзянин, ее слова были легки и непринужденны, словно обычная рутина. — Я, — быстро ответила Чжоу Цзецзюн, словно боясь упустить свой шанс. — Здесь две ваннные комнаты. Сестра Сяосяо, чтобы сэкономить время, как насчет того, чтобы умыться вместе? — предложила У Цзянин, глядя на Чэнь Сяо с лукавой усмешкой, словно замышляя невинный шалость. — А? Вместе? — прошептала Чэнь Сяо, невольно взглянув на Бай Чэня, словно опасаясь его реакции. Ее щеки вспыхнули румянцем, как закатное небо, окрашенное в нежные цвета. — Сестра Сяосяо, на что вы смотрите на моего мастера в это время? Вы не хотите быть с... кхм... — У Цзянин замялась на полуслове, почувствовав на себе тяжелый взгляд Бай Чэня. В конце концов, Чэнь Сяо, смущённая, отказалась от предложения У Цзянин, и отправилась в свою комнату, словно убегая от неудобного вопроса. Чжоу Цзецзюн и У Цзянин остались вдвоем в ванной, оставляя Бай Чэня и Ребу в тихом холле грибного домика. Комната словно замерла в ожидании развязки. — Что? — спросил Бай Чэнь, его голос был спокойным, словно шёпот ветра в тихом лесу. Реба, с напряженным взглядом, словно хищная птица, готовая к прыжку, повернулась к нему. Ее глаза, влажные от сдерживаемых эмоций, выражали жгучую боль, словно раненая душа. — Бай Чэнь, ты думаешь, я обидела тебя? — прошептала она, сдерживая слезы, которые готовы были вот-вот пролиться. — Нет, каждый имеет право выбора, просто будь счастливой, — ответил Бай Чэнь, его голос был полон искренности, но в нем звучало и легкое беспокойство. Он словно смотрел на хрупкий цветок, который вот-вот должен был сломаться. — Просто быть счастливой? — повторила Реба, с горькой усмешкой глядя на Бай Чэня. Её слова были полны горечи, словно горький вкус отравленного вина. В ее глазах читался вопрос, который она не решалась озвучить: каким образом он может заставить ее поверить в его искренность, когда знает, что причина её страдания кроется в недосказанности. — Что опять случилось? — спросил Бай Чэнь, его голос был сдержан и ровный, но в нём слышались нотки беспокойства. — Кто та женщина? — спросила Реба, её голос дрожал от гнева, словно буря, которая вот-вот обрушится на спокойный мир. — Та женщина? — переспросил Бай Чэнь, не понимая, к чему она клонит. — Что ещё ты изображаешь из себя? Отправиться с тобой... с женщиной, которая лишила тебя невинности! — крикнула Реба, её голос был полон ярости, словно огонь, поглощающий все на своем пути. Её слова были словно лезвие, ранившие Бай Чэня до глубины души. В них звучала не просто ревность, но и глубокая

рана, нанесённая предательством и недоверием. Вечерний эфир, как затухающий костер, медленно погружался в тишину, оставляя после себя лишь тлеющие угольки недавних эмоций. Четыре девушки, уставшие от игры "Правда или действие", словно лепестки, осыпавшиеся с цветка, готовились ко сну. Бай Чэнь, невозмутимый как скала, наблюдал за происходящим с холодной отрешённостью, словно далекий, но могущественный наблюдатель за тайнами мира. — Кхм... почему вы так быстро закончили играть? Мне все еще хочется... ну... подойти, — прошептал учитель Хэ, выглядывая из соседней комнаты, как робкий школьник, застигнутый за невинным любопытством. — Учитель Хэ, не говорите о том, чтобы убежать перед битвой, — хмыкнула У Цзянин, ее слова были остры как бритва, но летели легко, как шёпот ветра. — Точно, — вторила Чжоу Цзецзюн, ее голос был низким и бархатным, словно шепот летнего вечера. Хэ Цзюн, смутившись, поспешно ретировался, словно его застали за шпионажем. — Что? Сегодня все устали. Идите спать пораньше. Спокойной ночи, — пробормотал он, растворяясь в тенях коридора. Его уход стал сигналом к отступлению. Режиссер, получив указания из эфирной студии, завершил прямую трансляцию. — Всем спокойной ночи, до завтра! — прошептали девушки, помахав камерам, как приветствие уходящему солнцу. Сцена застыла на Бай Чэне, словно выхваченная из мгновения вечности. С окончанием эфира, как будто сбросив груз ответственности, атмосфера в грибном домике расслабилась. — Я так устала сегодня от высадки риса, — вздохнула Чжоу Цзецзюн, откинувшись на плечо Чэнь Сяо, словно ищущая убежища уставшая птица. — Сколько ты вставила? Если бы не "метод пересаживания рассады" мастера, сестре Цзе Цзюн, вероятно, пришлось бы отправиться в больницу, — улыбнулась У Цзянин, ее слова были полны юмора, но в них проглядывала ирония, тонкая, как паутина. — ... — ответила Чжоу Цзецзюн, ее лицо выражало лёгкую усталость. — Поздно уже, кто хочет первым умыться? — спросила У Цзянин, ее слова были легки и непринужденны, словно обычная рутина. — Я, — быстро ответила Чжоу Цзецзюн, словно боясь упустить свой шанс. — Здесь две ваннные комнаты. Сестра Сяосяо, чтобы сэкономить время, как насчет того, чтобы умыться вместе? — предложила У Цзянин, глядя на Чэнь Сяо с лукавой усмешкой, словно замышляя невинный шалость. — А? Вместе? — прошептала Чэнь Сяо, невольно взглянув на Бай Чэня, словно опасаясь его реакции. Ее щеки вспыхнули румянцем, как закатное небо, окрашенное в нежные цвета. — Сестра Сяосяо, на что вы смотрите на моего мастера в это время? Вы не хотите быть с... кхм... — У Цзянин замялась на полуслове, почувствовав на себе тяжелый взгляд Бай Чэня. В конце концов, Чэнь Сяо, смущённая, отказалась от предложения У Цзянин, и отправилась в свою комнату, словно убегая от неудобного вопроса. Чжоу Цзецзюн и У Цзянин остались вдвоем в ванной, оставляя Бай Чэня и Ребу в тихом холле грибного домика. Комната словно замерла в ожидании развязки. — Что? — спросил Бай Чэнь, его голос был спокойным, словно шепот ветра в тихом лесу. Реба, с напряженным взглядом, словно хищная птица, готовая к прыжку, повернулась к нему. Ее глаза, влажные от сдерживаемых эмоций, выражали жгучую боль, словно раненая душа. — Бай Чэнь, ты думаешь, я обидела тебя? — прошептала она, сдерживая слезы, которые вот-вот должны были пролиться. — Нет, каждый имеет право выбора, просто будь счастливой, — ответил Бай Чэнь, его голос был полон искренности, но в нем звучало и легкое беспокойство. Он словно смотрел на хрупкий цветок, который вот-вот должен был сломаться. — Просто быть счастливой? — повторила Реба, с горькой усмешкой глядя на Бай Чэня. Её слова были полны горечи, словно горький вкус отравленного вина. В ее глазах читался вопрос, который она не решалась озвучить: каким образом он может заставить ее поверить в его искренность, когда знает, что причина её страдания кроется в недосказанности. — Что опять случилось? — спросил Бай Чэнь, его голос был сдержан и ровный, но в нём слышались нотки беспокойства. — Кто та женщина? — спросила Реба, её голос дрожал от гнева, словно буря, которая вот-вот обрушится на спокойный мир. — Та женщина? — переспросил Бай Чэнь, не понимая, к чему она клонит. — Что ещё ты изображаешь из себя? Отправиться с тобой... с женщиной, которая лишила тебя невинности! — крикнула Реба, её голос был полон ярости, словно огонь, поглощающий все на своем пути. Её слова были словно лезвие, ранившие Бай Чэня до глубины души. В них звучала

не просто ревность, но и глубокая рана, нанесённая предательством и недоверием.

<http://tl.rulate.ru/book/108675/4026931>